

Литература и жизнь.

За последнее время все чаще и чаще поднимается вопрос о терпимости, о безмысленности человеконенавистничества, о преступности грубой травли человека человеком; все чаще и чаще раздаются святыи слова: „Нѣсть ни эллинъ, ни еврей“. Виѣсть съ идеей челоѣвѣчества развивается идея челоѣвѣчности, развивается идея „челоѣвѣка“. Не всѣ проникаются этими идеями. Здѣсь оправдываются слова Берне: „Обнаруживаютъ крайнюю нетерпимость люди, проповѣдующіе терпѣніе, тогда какъ самые нетерпѣливые люди обнаруживаютъ наибольшую терпимость“. Терпимость и прогрессъ идутъ рука объ руку и если у насъ имѣются факты, доказывающіе, что вопросъ о терпимости теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было „сердца волнуетъ, мучитъ“, если у насъ подъ рунами факты общественнаго заявленія о необходимости этой терпимости, мы можемъ сказать:—значитъ, жизнь идетъ впередъ и беретъ свое у времени. Такиими фактами развѣ не являются неудачи Лигина и Эфрона, Велички и присныхъ, съ театральныхъ подмостковъ пытавшихся провозгласить ненависть къ людямъ, нико въѣрующимъ, инако думающимъ? Такиими фактами развѣ не являются рѣчь Стаховича и отношеніе къ ней почти всѣхъ органовъ печати?!

„Савль, Савль, почто ты меня гоняши?“—когда то раздался голосъ Христа. Раздается этотъ голосъ и теперь, заглушаемый шумомъ и суетой нашей мятежной жизни. И всякій разъ какъ Савль слышитъ этотъ голосъ, онъ изъ Савла обращается въ Павла... Пусть же этотъ голосъ вырастаетъ въ пѣснь торжествующей любви и заставляетъ людей расковать мечи на серпы, заставляетъ смолкнуть злобное рычанье тигровъ рыкающихъ, отвратительный хохотъ шакаловъ-гробкопателей—вѣдь живемъ мы не въ средніе вѣка, а въ двадцатомъ столѣтіи.

У Анфреда Мюссэ есть великолѣпный художественный образъ: „Вѣчность—говоритъ

поэтъ—это орлиное гдѣздо. Изъ этого гдѣзда, какъ молодые орлы, вылетаютъ столѣтія, чтобы поочередно облетѣть вселенную. Теперь наше столѣтіе,—писалъ поэтъ о 19-мъ вѣкѣ,—очутилось у края гдѣзда; оно выдвигается оттуда, но ему отрѣзали крылья, и оно ожадаетъ смерти, неподвижно уставивъ взоръ въ безконечное пространство, облетѣть которое не имѣетъ силъ... Хочется вѣрнѣ, что у двадцатаго столѣтія отростутъ крылья и на этихъ крыльяхъ высоко подниметъ челоѣвѣка орелъ надъ неправдою и злобою земли и у этого орла хватить силъ облетѣть вселенную...

Къ чести нашей литературы надо сказать, что она никогда не отрѣзывала крылья у могучаго орла, наоборотъ, вѣчески старалась защищать его отъ тѣхъ, которые приходили изъ тѣмъ времени, чтобы пришибить ненавистную птицу. Мы говоримъ о той литературѣ, которая выражала, а не поддѣлывала общественное мнѣніе.

Что же теперь говорить наша литература по вопросу о терпимости? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, или вѣрнѣе—на частицу этого вопроса, могутъ послужить разсказы М. Горькаго—„Погромъ“, помѣщенный въ Сборникъ на помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая, и разсказъ Вярениова—„Мойша“, появившійся въ сентябрьской книгѣ *Русскаго Богатства*.

Мы не будемъ говорить о громадномъ содержаніи указаннаго Сборника,—для этого слишкомъ много надо мѣста; сошлемся лишь на рецензію о немъ въ томъ же *Русскомъ Богатствѣ*, съ которой мы вполнѣ согласны. Рецензія указываетъ на то, что не въ самомъ матеріалѣ сборника суть. „Все дѣло въ той высокой и челоѣвѣколюбивой идеѣ, которою объединены матеріалы, въ томъ стремленіи возстановить нарушенную справедливость, которымъ проникнуто все изданіе. Помимо содержанія хорошимъ является въ этой книгѣ самый фактъ ея выхода въ свѣтъ: въ ней помощь не однимъ голоднымъ но и обездоленнымъ, лишеннымъ правъ; въ ней протестъ и дружная демонстрація христіанской интеллигенціи противъ дикой и слѣпой

национальной неприязни, против насилья надъ людьми иной вѣры, другихъ обществъ”.

Мы остановимся на одномъ лишь рассказѣ изъ этого сборника, рассказѣ М. Горькаго, который является по идеѣ родственникомъ рассказу Евреинова. Въ обоихъ рассказахъ авторы описываютъ еврейскіе погромы; вѣрнѣе: описываетъ Евреиновъ, а Горькій изображаетъ со всею силою своихъ сочныхъ и яркихъ красокъ.

Изображаетъ авторъ не развитіе погрома, не его причины, а просто картинку погрома, который вдругъ, какъ гроза въ душный день, разразился надъ однимъ поволжскимъ городомъ лѣтъ 15 тому назадъ. Читатель сразу попадаетъ вмѣстѣ съ художникомъ въ самый центръ бушующей толпы и въ какомъ-то столбнякѣ, исполненный ужаса и тоски въ брата—человѣка, глядитъ прямо въ безумные очи тысячеголовому звѣрю.

Читатель не знаетъ, какъ это началось, отчего, зачѣмъ, и когда гроза проносится, оставивъ 14 труповъ, онъ долго стоитъ прикованный къ мѣсту происшествія и спрашиваетъ себя и автора: какъ это началось? отчего, зачѣмъ?.. Но авторъ не отвѣчаетъ.

За то Евреиновъ въ *Русскомъ Богатствѣ*, видимо, задался цѣлью отвѣтить на эти вопросы. Самое описаніе происшествія занимаетъ у него второстепенное мѣсто, психологія толпы у него очерчена слабо, за то онъ пытается ближе взглянуть въ фисіономію этого таинственнаго незнакомца путемъ опроса участниковъ съ той и другой стороны.

Кто не видѣлъ еврейскихъ погромовъ, тотъ получить о нихъ живое представленіе, читая небольшой рассказъ Горькаго. Авторъ съ удивительнымъ искусствомъ, съ глубокимъ пафосомъ, волнуясь и негодуя, не сказалъ, а крикнулъ свое слово.

Какъ и всегда автору удалось схватить и воплотить въ слово самую атмосферу „присшествия“... Вся гамма звуковъ, начиная отъ озлобленныхъ криковъ и тупого хохота и кончая подавленными стономъ и проны-

тельными криками, вдругъ ударить по сердцу читателя. Никакой Никита, пребывающій во власти тьмы, не устоитъ передъ волною этихъ звуковъ. Пусть заткнетъ онъ уши, эти звуки прорвутся въ самое сердце его и заставятъ крикнуть: „косточки, косточки трещать!“.. Слушайте же эту страшную гамму звуковъ,—мы постараемся передать ее въ нашемъ сокращенномъ изложеніи рассказа Горькаго по возможности словами автора.

„Гдѣ то въ слободѣ, раздался глухой сердитый шумъ, какъ будто заревѣли въ раздраженіи голодные быки. Толпа людей забилась переулкомъ своими тѣлами такъ плотно, что онъ похожъ былъ на мѣшокъ, полный зерна. Впереди, гдѣ то далеко еще, раздавался ревъ и визги людей, звенѣли стекла, бухали тяжкіе удары, что то трещало и падало; звуки покрывали другъ друга, какъ облака осенью, и уже плыли по воздуху тяжелою тучей.

Какъ бѣсноватые, они орали что то, поднявъ головы кверху, лица ихъ были красны, въ открытыхъ ртахъ сверкали зубы; они взмахивали руками и толкали другъ друга, лѣзли на крыши службъ, обрывались, падали и снова лѣзли. И несмотря на разнообразіе движеній каждаго человѣка, во всѣхъ ихъ было что то общее; человѣкъ сталъ членомъ одного огромнаго тѣла, одушевленнаго одной и той же могучей силой.

А на дворѣ орали: „Сюда, въ кадеѣ жиде-нятъ нашель! Бей ихъ!—Вашими о стѣнки! Провзительный крикъ ребенка огласилъ воздухъ,—это былъ звукъ ужасный, въ мутномъ ревѣ толпы онъ свернулъ ослабительно, какъ молвія въ облакахъ. И шумъ послѣ него сталъ какъ бы тише.

На улицѣ ломали стулья, столы, разбивали сундуки, со смѣхомъ рвали какія то одежды. Въ воздухѣ носились перья, изъ оконъ домовъ вывѣзъ къ негамъ людей летѣли подушки, корзинки, мебель, тряпье, а толпа, обезумѣвшая, въ стремленіи разрушать, хватала эти вещи и рвала, ломала, била...

Прошелъ огромный мужикъ въ разорван-

